

МРНТИ:
11.25.91

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ КАЗАХСТАНОМ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ КАК ЭЛЕМЕНТА «МЯГКОЙ СИЛЫ»

Галымжан Дүйсен¹,

Аян Сабыров^{2*}

¹ заместитель генерального директора Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова, доктор экономических наук, e-mail: galyimzhan@inbox.ru

^{2*} научный сотрудник Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова, e-mail: ayan.sabyrov@gmail.com

doi.org/10.52536/2415-8216.2024-3.01

Аннотация. В статье рассматривается вопрос возможности использования Казахстаном своей национальной истории в качестве элемента «мягкой силы» во внешней политике. Особое внимание уделяется концептуально-методологическим основам «мягкой силы», а также анализу всемирно известных рейтингов «мягкой силы» в части, касающейся их применимости в оценке «ресурсности» национальной истории. Предлагаются перспективные направления продвижения национальной истории Казахстана среди международной аудитории.

Ключевые слова: национальная история, «мягкая сила», история Казахстана, внешняя политика.

ҚАЗАҚСТАННЫҢ ҰЛТТЫҚ ТАРИХЫН «ЖҰМСАҚ КҮШТІҢ» ЭЛЕМЕНТІ РЕТІНДЕ ПАЙДАЛАНУ МӘСЕЛЕСІ ТУРАЛЫ

Галымжан Дүйсен¹, Аян Сабыров^{2*}

¹ Р.Б. Сулейменов атындағы Шығыстану институты бас директорының орынбасары, экономика ғылымдарының докторы, e-mail: galyimzhan@inbox.ru

^{2*} Р.Б. Сулейменов атындағы Шығыстану институтының ғылыми қызметкері, e-mail: ayan.sabyrov@gmail.com

Аңдатпа. Мақалада Қазақстанның сыртқы саясатындағы «жұмсақ күш» элементі ретінде өз ұлттық тарихын пайдалану мүмкіндігі талқыланады. «Жұмсақ күштің» тұжырымдамалық және әдістемелік негіздеріне ерекше

назар аударылады, сондай-ақ әлемдік «жұмсақ күш» рейтингтеріне ұлттық тарихтың «ресурстығы» тұрғысынан талдау жасалынады. Қазақстанның ұлттық тарихын халықаралық аудитория арасында ілгерілетудің перспективтік бағыттары ұсынылады.

Түйінді сөздер: ұлттық тарих, «жұмсақ күш», Қазақстан тарихы, сыртқы саясат.

ON THE ISSUE OF KAZAKHSTAN'S USE OF NATIONAL HISTORY AS AN ELEMENT OF SOFT POWER

Galymzhan Duisen¹, Ayan Sabyrov^{2*}

¹ Deputy General Director of the R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies, doctor of economic sciences, e-mail: galyimzhan@inbox.ru

^{2*} Scientific Fellow of the R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies, e-mail: ayan.sabyrov@gmail.com

Abstract. The article discusses the possibility of Kazakhstan's using its national history as an element of soft power in its foreign policy. Particular attention is paid to the conceptual and methodological foundations of soft power, as well as to the analysis of the world-renowned ratings of soft power in terms of their applicability in assessing the «resourceness» of national history. The article proposes some perspective ways of promoting the national history of Kazakhstan among the international audiences.

Keywords: national history, soft power, history of Kazakhstan, foreign policy.

Введение

Вопрос об использовании национальной истории во внешней политике Казахстана в качестве составного элемента «мягкой силы» до настоящего момента не рассматривался. Данная исследовательская статья ставит цель восполнить этот пробел и, по возможности, начать дискуссию в казахстанских академических кругах на предмет перспективности подобного направления работы.

В январе 2021 года Президент Казахстана К.К. Токаев заложил основу для данной дискуссии, обозначив в своей статье «Независимость прежде всего» следующие тезисы: «Предлагаю также написать краткую историю Казахстана для иностранной аудитории и перевести ее на основные языки мира. Это единственный способ рассказать миру правдивую многовековую историю казахского народа». Глава государства также призвал показывать миру нашу историю различными способами, в том числе через создание фильмов на исторические темы, на которые сегодня имеется спрос в мировой киноиндустрии [1]. Таким образом, Президент Токаев подчеркивает потенциал национальной истории как элемента «мягкой силы» Казахстана.

В настоящее время большим исследовательским коллективом под эгидой Института истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова завершается масштабная работа по подготовке и изданию академического семитомника по истории Казахстана. При этом в казахстанском обществе, прежде всего, в социальных сетях идет как профессиональная, так и неэкспертная дискуссия

о целесообразности написания данного семитомника. Поднимается вопрос о его возможной низкой востребованности среди широких слоев общества. В настоящей статье нами приводятся доводы о том, что новое академическое издание по истории Казахстана должно найти свою заинтересованную аудиторию не только внутри страны, но и за ее пределами, в рамках имплементации «мягкой силы».

В настоящей статье большое внимание уделяется правильному концептуальному пониманию «мягкой силы», что необходимо для дальнейшего изучения вопроса о перспективности использования национальной истории Казахстана как эффективного инструмента внешней политики.

Можно утверждать, что теоретико-концептуальная основа «мягкой силы» все еще находится на стадии своего упрочнения и совершенствования, в связи с чем настоящая статья основывается, прежде всего, на фундаментальных работах автора самой концепции. Необходимо отметить, что на данный момент в основополагающих работах о «мягкой силе» вопрос о «ресурсности» национальной истории отдельно не затрагивается или затрагивается опосредованно, что в известной степени определяет важность и научную новизну настоящей статьи. Также, рассмотрение и анализ наиболее известных международных рейтингов «мягкой силы» позволит нам продвинуться далее в вопросе понимания перспективности использования национальной истории в рамках «мягкой силы» Казахстана.

Методологические основы концепции «мягкой силы»

В политологии и учении о международных отношениях имеются различные подходы к определению «мягкой силы». Некоторые исследователи считают, что это явление восходит корнями к древним временам, другие же полагают, что «мягкая сила» является новым феноменом, который мог появиться только лишь с развитием процесса глобализации. Если же первоначально «мягкая сила» (*soft power*) противопоставлялась «жесткой силе» (*hard power*), то со временем исследователи начали выделять и другие разновидности власти в международных отношениях, такие как «умная сила» (*smart power*), «острая сила» (*sharp power*) и даже «тонкая сила» (*subtle power*). Кроме того, есть различные исследовательские подходы в определении целей и задач «мягкой силы», а также ее ресурсов и практических инструментов в рамках реализации внешней политики.

Ключевое место в распространении и обосновании концепции «мягкой силы» занимают работы известного американского политолога из Гарвардского университета Джозефа С. Ная младшего (далее – Дж. Най). Именно профессору Дж. Наю принадлежит заслуга определения данного термина и его общемирового использования. Отметим, что концептуально «мягкая сила» является частью неолиберальной теории в рамках учений о международных отношениях.

Впервые концепция «мягкой силы» была изложена в монографии Дж. Ная 1990 года под названием «Лидерская обязанность: меняющаяся природа американского могущества» [2]. В том же году по этой теме были опубликованы его две научные статьи в авторитетных журналах по политологии и международным отношениям *Political Science u Foreign Policy* [3, 4]. Однако только в 2004 году, после публикации книги «Мягкая сила: средство достижения успеха в мировой политике» [5], концепция Дж. Ная получила поистине всемирную известность и стала широко применяться как в теоретических дискуссиях, так и в сфере формирования и анализа внешних политик различных стран. В отличие от предыдущих работ, данная

книга была посвящена целиком и полностью «мягкой силе», раскрытию содержательной части этой концепции, ее теоретическому обоснованию и практической имплементации.

Представляется, что успех концепции «мягкой силы» именно в середине 2000-х годов был, в том числе, связан с военными конфликтами, происходившими в тот момент на мировой арене, прежде всего, с так называемой «войной с террором», объявленной США и ее союзниками после событий 11 сентября 2001 года. Неоконсервативная доктрина во внешней политике, взятая на вооружение администрацией президента Буша, вызывала критику со стороны всего спектра экспертного сообщества, что не могло не привести к появлению и популяризации различного рода контрконцепций.

В настоящее время именно работы Дж. Ная последних трех десятилетий являются наиболее авторитетными по вопросу о «мягкой силе». При анализе и создании дискурса на данную тему исследователи в первую очередь и чаще всего ссылаются на разработанные им терминологию и концептуальную основу. Во внешнеполитических кругах многих стран концептуальные подходы Дж. Ная воспринимаются уже как неотъемлемая часть инструментария при выработке и реализации внешней политики государств.

Согласно концептуальным подходам Дж. Ная, можно выделить два различных вида власти на международной арене: «жесткая сила» (*hard power*) и «мягкая сила» (*soft power*). Если первая включает в себя инструменты принуждения (*coercion*) и подкупа (*payment*), то вторая имеет под собой совершенно другое основание, а именно – способность восхищать, очаровывать, притягивать к себе представителей других стран, то есть, другими словами, мы имеем дело с силой привлечения (*attraction*).

В этом отношении, «жесткая сила» легко объясняется и определяется в классическом понимании как военная, политическая и экономическая мощь страны. Так, по Дж. Наю ресурсами, то есть источниками или генератором, «жесткой силы» являются «количество населения, размер территории, наличие природных ресурсов, масштабы экономики, вооруженные силы» и т.д. [2, с. 26]. К этому списку следует еще добавить и подчеркнуть особую важность, в частности применительно к Казахстану, выгодного геополитического и геоэкономического расположения страны.

В отличие от «жесткой силы», согласно концептуальному пониманию Дж. Ная, ресурсами «мягкой силы» в современном мире являются:

- во-первых, ее культура, имеющая привлекательные аспекты для представителей других стран;
- во-вторых, внутренняя политическая система, ценности и институты, позволяющие стране успешно и стабильно развиваться;
- в-третьих, адекватная внешняя политика, воспринимаемая другими странами как легитимная и имеющая моральное основание [6, с. 84].

В отношении ресурсов «мягкой силы» Дж. Най отмечал, что «источники власти, в целом, отходят от акцента на военную мощь и завоевания, как это было в прежние времена. Теперь же, при оценке международной системы власти, такие факторы как технологии, образование, экономический рост становятся более важными, в то время как географические преимущества, размер населения и наличие природных ресурсов становятся менее важными» [3, с. 179].

Автор концепции «мягкой силы» обосновывает свое мнение тем, что общемировые вызовы вроде экологических угроз, проблем глобального здравоохранения, транснационального экстремизма и преступности,

кибер-терроризма и др. уже перешагнули границы влияния и воздействия национальных государств. Это, в свою очередь, привело к ослаблению классических инструментов «жесткой силы», особенно в применении вооруженных сил [6, с. 231].

Действительно, в современном мире эффективность «жесткой силы» ограничена в отношении таких глобальных угроз, как нераспространение ядерного оружия, появление «несостоятельных государств», угрожающих региональной и глобальной стабильности, проблема беженцев и бесконтрольной миграции населения. Кроме того, так называемые «черные лебеди», то есть масштабные, непредсказуемые и зачастую необъяснимые события (вроде пандемии коронавируса), осложняют даже сам процесс принятия решений о применении тех или иных инструментов.

С увеличением степени и масштабов взаимозависимости между национальными государствами издержки применения открытой военной силы против друг друга стали также очень высоки. Дж. Най в этом отношении замечает, что «раньше издержки принуждения были относительно низки. Насилие было приемлемо, а экономики менее взаимозависимы» [2, с. 190]. Сегодня уязвимость национальных экономик и корпоративных интересов, безусловно, несоизмеримо выше, чем в более ранние периоды развития. Это, в свою очередь, повышает императивность использования «мягкой силы» в арсенале внешней политики различных государств.

По мнению Дж. Найа, «мягкая сила» не является статичной. Ресурсы меняются по мере изменения контекста. Они были разнообразны в прошлом и будут разнообразными в будущем» [5, с. 68]. Таким образом, имеющиеся сейчас тенденции в применении «мягкой силы» не обязательно должны быть точным ориентиром в определении ее степени и масштабов в будущем. Важно отметить, что сам автор концепции признает вариативность ресурсной базы «мягкой силы», из чего можно сделать вывод об имеющемся потенциале национальной истории как элемента или даже отдельного ресурса в применении «мягкой силы».

С учетом нюансов практической реализации «мягкая сила» за последние годы и десятилетия (особенно, при сопоставлении с использованием «жесткой силы»), важно отличать ресурсы «мягкой силы» от ее цели и способа применения. Так, целью «мягкой силы» является увеличение влияния и власти государств, способных и стремящихся играть важную роль в региональной и глобальной политике. Другими словами, «мягкая сила» – это целенаправленная политика. Способ применения же основывается исключительно на несиловых, непринудительных инструментах убеждения, таких как:

- традиционная, то есть межгосударственная дипломатия;
- публичная дипломатия (иногда называемая «народной» дипломатией);
- официальные программы помощи и сотрудничества;
- культурные и образовательные миссии;
- программы повышения инвестиционной и туристской привлекательности страны;
- усиление информационного воздействия государственных и квазигосударственных СМИ в зарубежных странах;
- проведение международно значимых мероприятий и др.

С учетом приведенных выше каналов воздействия, достаточно интересным представляется следующий тезис Дж. Найа: «В информационную эпоху успех не является просто результатом того, чья армия победила, а в том числе

результатом того, чей рассказ победил" [7]. К этому можно добавить, что важно не только «чей рассказ», но и как красочно он рассказан, что особенно важно при продвижении национальной истории для внешней аудитории.

Несмотря на то, что в Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020-2030 годы термин «мягкая сила» непосредственно не применяется, возможность и необходимость использования «мягкой силы» как инструмента недвусмысленно подразумевается [8]. Это заметно в наличии таких оборотов, как:

- «активизация «гуманитарной дипломатии», популяризация позитивного образа страны в мировом сообществе»;
- «применение инструментов «народной дипломатии», взаимодействие с казахстанским неправительственным сектором в сфере внешней политики»;
- «расширение применения средств «цифровой дипломатии» для достижения внешнеполитических целей, продвижения международных инициатив, развития сотрудничества с зарубежными странами»;
- «информирование мировой общественности о подходах и инициативах Казахстана по вопросам региональной и глобальной политики и экономики»;
- «расширение международного сотрудничества на двустороннем и многостороннем уровне в области образования, науки, культуры, спорта и молодежной политики» и др.

При этом одним из ключевых приоритетов страны на международной арене Концепцией внешней политики определяется «популяризация богатого историко-культурного наследия казахского народа, в том числе в рамках программы «Рухани жаңғыру». Постановка данной задачи в качестве одного из приоритетов внешней политики Казахстана отчетливо показывает, что национальная история воспринимается руководством страны как один из ресурсных элементов «мягкой силы» наряду с национальной культурой.

Рассматриваемые далее рейтинги «мягкой силы», в целом, методологически основываются на видении и подходах Дж.Ная. В них преобладают оценки стран с позиций привлекательности их культуры, внутренних институтов и управленческих практик, а также состоятельности внешней политики. Для решения задач настоящей статьи нам необходимо сакцентировать внимание на привлекательности страновой истории, отделив ее от всеобобщающего понятия «культура», несмотря на тесное переплетение и взаимосвязь этих двух понятий.

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ результатов рейтингов «мягкой силы»

Одна из первых методически выверенных попыток измерить «мягкую силу» различных стран мира была предпринята в 2010 году в ходе совместной работы британского «мозгового» центра *The Institute for Government* и журнала *Monocle* [9]. Ими был составлен рейтинг *Soft Power Index*, который включает в себя пять подиндексов и результаты опроса экспертной группы, в достаточной мере раскрывающих, по мнению разработчиков, уровень «мягкой силы» той или иной влиятельной страны. В качестве подиндексов используются следующие пять параметров: культура, дипломатия, государственное управление, образование, бизнес и инновации. Если первоначально данный индекс состоял из 26 стран, то к 2024 году он сократился до 20. Несмотря на то, что *Soft Power Index* использует «всемирное наследие ЮНЕСКО» как один из культурных подпараметров, отдельного использования национальной истории стран при оценке их «мягкой силы» не проводится.

С 2015 по 2019 годы консалтинговая кампания *Portland* также публиковала свой рейтинг «мягкой силы» *Soft Power 30*, включавший в себя топ-тридцать стран. Предисловие к публикации первого рейтинга *Soft Power 30* было написано Дж. Наем, что делает этот рейтинг хоть и не первым в своем роде, но одобренным самим автором концепции [10, с. 7]. В индекс были включены шесть метрических категорий данных: государственное управление, образование, международная вовлеченность, предпринимательство, культура и цифровое развитие. Кроме того, проводился опрос международных экспертов по привлекательности тех или иных аспектов различных стран. Как в случае с вышеуказанным *Soft Power Index*, данный рейтинг не рассматривает национальную историю стран в качестве метрического подпоказателя, отдельного от культурного наследия.

Другая консалтинговая компания *Brand Finance* с 2020 года так же выпускает отдельный рейтинг «мягкой силы» под названием *Global Soft Power Index*, в котором представлен Казахстан. Если опубликованный в 2020 году рейтинг включал в себя 60 стран, то в 2023 году в индекс вошла уже 121 страна. Согласно используемой *Brand Finance* методологии, рейтинг составляется на основе масштабных опросов, проводимых по всему миру. Так, в 2023 году в опросе глобального общественного мнения участвовали 111 тысяч респондентов из 101 стран мира [11, с.26]. Данный рейтинг составляется на основе восьми параметров: бизнес и торговля, государственное управление, международные отношения, культура и наследие, медиа и коммуникации, образование и наука, люди и ценности, а также устойчивое развитие. Кроме того, в индекс включены три «имиджевых» критерия: осведомленность о стране, ее репутация и влияние.

Казахстан в рейтинге *Global Soft Power Index* 2023 года занял 79-е место. Годом ранее Казахстан располагался на 88-м месте. Это улучшение позиций обусловлено получением большего конечного балла – 36,5 баллов вместо прошлогодних 30,0 баллов, что в свою очередь объясняется, прежде всего, высоким результатом параметра «репутация» [11, с.156]. Тот факт, что страновая репутация Казахстана имеет относительно высокие оценки, показывает эффективность проводимой внешней политики, особенно, в части позиционирования страны как ответственного и заслуживающего доверия участника международных процессов. Следует отметить, что в отчете *Global Soft Power Index* за 2023 год опубликовано интервью заместителя министра иностранных дел Казахстана Р.Василенко, в котором акцентируется внимание на внешней политике страны, ее экономическом и энергетическом развитии, а также сфере науки и образования, однако при этом исторические или даже культурные аспекты не раскрываются [11, с.96].

В целом, *Global Soft Power Index* так же, как и ранее указанные индексы, не использует национальную историю как отдельный параметр или подпараметр в оценке «мягкой силы» стран. То же относится и к менее известным рейтингам «мягкой силы», таким как *World Soft Power Index*, который составляется последние два года Индийским форумом по стратегическим исследованиям [12].

Наиболее известным и методологически интересным для нашего исследования представляется рейтинг *The Best Countries*, который ежегодно генерируется издательством *U.S. News & World Report* при помощи британской маркетинговой компании *WPP plc* и Уортонской школы бизнеса [13]. Данный индекс хоть и не направлен исключительно на оценку «мягкой силы» стран, однако дает широкую детализацию страновой привлекательности, в том числе по интересующим нас критериям.

В 2023 году рейтинг *The Best Countries* оценивал 87 стран на основе опроса более 17 тысяч человек со всего мира и использовал для этого десять разноаспектных параметров, из которых следует выделить два – «наследие» (*heritage*) и «сила» (*power*). Категория «наследие» имеет в себе пять подкатегорий, а именно: культурная доступность, богатая история, национальная кухня, культурные достопримечательности, географические достопримечательности.

В общем индексе *The Best Countries* 2023 года Казахстан занимает 84 место, то есть находится в самом конце рейтинга. Такое же невысокое положение страна занимает и по категории «наследие» – 83 место. При этом в подкатегориях «наследия» Казахстан показал достаточно неравномерные результаты. Так, по культурной доступности, т.е. восприятию иностранцами уровня инклюзивности культурного пространства, страна заняла 84 место, опередив лишь такие страны как Россия, Беларусь, Иран. По привлекательности национальной кухни Казахстан занял 74 место, а в плане культурных и географических достопримечательностей – 74 и 77 места, соответственно.

Ключевой момент заключается в том, что респонденты данного рейтинга определили Казахстану относительно высокое 66 место с точки зрения привлекательности национальной истории. Казахстан опередил по данному подпоказателю такие страны, как Словения, Литва, Сингапур, Канада, Азербайджан, Катар, Латвия, Узбекистан, Новая Зеландия, Уругвай, Бангладеш, Беларусь, Бахрейн и другие. Даже с учетом относительного характера подобных рейтинговых оценок, сложившаяся картина приводит к достаточно важным размышлениям.

Во-первых, можно заключить, что низкая культурная доступность Казахстана достаточно серьезно тянет страну «вниз» в вопросе ее международной привлекательности и, в конечном счете, в плане потенциала «мягкой силы». Культурная и, не менее важно, инфраструктурная «закрытость» Казахстана приводит к тому, что привлекательность природно-географических, культурных достопримечательностей и даже национальной кухни ощутимо снижается.

Во-вторых, рейтинг *U.S. News Best Countries* дает возможность несколько по-иному взглянуть на то, как мировое сообщество на самом деле воспринимает Казахстан. Дело в том, что по категории «сила» (*power*) респонденты определили Казахстану относительно высокое 50 место, что является лучшим результатом по сравнению с другими ключевыми показателями страны в данном рейтинге. Если подробнее рассмотреть подпоказатели, то в категорию «сила» входят самые «хардпауэрные» критерии, такие как наличие сильного политического лидера, возможность осуществлять экономическое и политическое влияние, высокий уровень экспорта из страны, участие в крепких международных альянсах и наличие сильной армии.

Восприятие мировой аудиторией Казахстана как страны в большей мере обладающей «жесткой силой», нежели «мягкой силой», не должно удивлять. Это во многом объясняется, на наш взгляд, той самой «культурной недоступностью», которая не позволяет стране продемонстрировать весь потенциал своей внутренней привлекательности. В этом отношении представляется, что популяризация и продвижение национальной истории Казахстана среди глобальной аудитории может сыграть весьма важную роль.

В-третьих, как видно из результатов рейтинга культурная «закрытость» в относительном смысле не так сильно влияет на положительное восприятие национальной истории Казахстана со стороны глобальной аудитории. Одно из возможных объяснений этому заключается в том, что изучение истории любой страны не должно обязательно сопровождаться культурным «контактом» и может осуществляться, так сказать, на расстоянии.

Это справедливо, прежде всего, в отношении академического мира, профессионально и на «внекультурной» основе занимающегося вопросами национальной, региональной и мировой истории. Одним из косвенных свидетельств данному предположению служит количество академических материалов по теме национальной истории различных стран (см. таблицу 1).

Таблица 1. Результаты запросов на английском языке в поисковой системе *Google Scholar* со страновой разбивкой на предмет количества статей по тематике национальной истории

Страна	Количество статей по поиску «национальная история» (например “Kazakh history”, “Turkish history” и т.д.)	Количество статей по поиску «история» и «страна» (например “history” AND “Kazakhstan”, “history” AND “Azerbaijan” и т.д.)
Казахстан	1360	523000
Узбекистан	514	296000
Кыргызстан	502	122000
Туркменистан	245	97300
Таджикистан	286	139000
Азербайджан	430	243000
Турция	27300	3520000
Монголия	2790	568000
Китай	237000	4710000
Индия	180000	4510000
Россия	147000	3360000

Источник: составлено авторами от 6 февраля 2024 года

В таблице 1 представлены количественные результаты по запросам в поисковой системе *Google Scholar*, направленным на определение объема академических материалов по национальной истории тех или иных стран. Запросы проводились на английском языке, который можно считать в известной степени главным языком международных академических отношений.

Результаты, безусловно, носят относительный характер, однако при этом дают общие представления о масштабах академической вовлеченности в национальную историю различных стран. В целях более корректного сопоставления с Казахстаном были выбраны страны Центральной Азии, крупнейшие соседи по континенту, а также страны, исторически близкие Казахстану.

При сопоставлении количества академических статей по национальной истории выбранных стран с результатами этих стран в подкатегории «история» рейтинга *U.S. News Best Countries* 2023 года, можно сделать относительный вывод о достаточной объективности респондентов данного рейтинга. Так, в плане оценки богатства национальной истории Китай занимает 6 место, Индия – 9 место, Россия – 10 место, Турция – 11 место. При этом Азербайджан и Узбекистан заняли места ниже Казахстана, а именно – 71 и 75 места, соответственно.

Обсуждение ключевых аспектов

В нашем анализе особо необходимо отметить Монголию, не попавшую в число 87 стран, по которым рейтинг *U.S. News Best Countries* дает свою оценку. Отсутствие Монголии в рейтинге, если верить заявленной методологии, связано с объективно низкими показателями страны по индексу человеческого развития, размерам экономики и привлеченных инвестиций, а также со слабой международной туристской вовлеченностью. При этом как показывают результаты наших запросов в *Google Scholar*, национальная история Монголии пользуется высоким интересом со стороны мировой академической общественности, превышающим аналогичный интерес к истории Казахстана.

Данное обстоятельство можно объяснить, прежде всего, тем фактом, что Монголия дала миру одного из величайших исторических персонажей – Чингисхана, основавшего крупнейшую сухопутную империю в мировой истории. Правление Чингисхана и по сегодняшний день является одной из самых интересующих мировую аудиторию исторических тем. Труды, написанные о нем, пользуются большой популярностью у читателей. Например, книга Дж. Уэзерфорда «Чингисхан и рождение современного мира» вошла в список бестселлеров *The New York Times* за 2004 год [14]. В этом смысле, проводимые казахстанскими историками работы по исследованию Улуса Джучи и наследия Золотой Орды, в том числе в рамках написания третьего тома академического семитомника по истории Казахстана, представляются еще более перспективными в части интереса к ним со стороны мировой общественности.

Также отметим, что по показателю «история» в рейтинге *U.S. News Best Countries* первое место занимает Египет, что неудивительно с учетом богатства и всемирной популярности египетской истории. При этом в рейтинге «мягкой силы» *Global Soft Power Index* за 2023 год Египет находится на относительно высоком 38 месте, даже несмотря на то, что страна за последние годы не показывала существенного развития в таких ключевых сторонах «мягкой силы», как демократизация и институционализация внутренней политики, а также проведение привлекательной внешней политики.

Аналогичную логику можно применить и в отношении Казахстана, который находится в начале пути по демократизации и либерализации своей политической системы, поэтому такого ресурса «мягкой силы», как

привлекательные внутриполитические институты у страны в ближайшее время может и не быть. В этом смысле привлекательная национальная история, вызывающая неподдельный интерес у мировой аудитории, способна в некоторой степени восполнить данный пробел. Представляется, что история уникальной степной демократии в Казахском ханстве, политических институтов кочевой цивилизации, перспективы их возможного возрождения могут являться очень интересной темой для глобальной аудитории.

Еще одной интересной для мировой аудитории темой, усиливающей «мягкую силу» Казахстана с точки зрения внутренней демократизации и институционализации, является изучение истории политических репрессий в советский период. В январе 2024 года завершила работу Государственная комиссия по полной реабилитации жертв политических репрессий, главной задачей которой являлось восстановление исторической справедливости в отношении всех категорий репрессированных жертв [15]. Результаты работы казахстанских историков в рамках этой комиссии должны вызвать живой интерес у международного сообщества к столь трагическому и важному с гуманистической точки зрения периоду в истории Казахстана. Представляется, что включение данной темы в готовящееся академическое издание по национальной истории положительно повлияет на усиление исторического аспекта «мягкой силы» Казахстана.

В последние годы активизировалось сотрудничество в рамках Организации тюркских государств, в том числе по культурно-гуманитарному и научно-образовательному направлениям. Турция, ключевой участник этой организации, во всех рейтингах «мягкой силы» регулярно показывает высокие результаты. Кроме того, в подкатегории «история» в рейтинге *U.S. News Best Countries* 2023 года Турция заняла высокое 11 место. Одной из причин того, что турецкая история вызывает огромный интерес всего мира, является ее эклектичность, которая впитывает в себя как историю Малой Азии в доисторические времена и в период древнего мира, так и историческое наследие Османской империи и уже новейшую историю Турецкой Республики.

Однако особый интерес к турецкой истории, безусловно, привлекает тюркология, которая, по сути, является историко-идеологической основой современного турецкого государства. В этом смысле представляется, что тюркские начала национальной истории Казахстана также могут стать составной частью исторического ресурса «мягкой силы» страны. В этой связи крайне важным становятся всесторонняя подготовка и последующее продвижение материалов второго тома академического семитомника по истории Казахстана, раскрывающего историю тюркских каганатов и, в целом, историческую общность тюркских народов.

Заключение (выводы)

На сегодняшний день все известные мировые рейтинги «мягкой силы» уделяют национальной истории стран второстепенное внимание, предпочитая рассматривать ее в рамках обобщающего показателя «культура».

Единственным всемирно известным индексом, включающим историю как отдельно оцениваемый подпараметр, является рейтинг U.S. News Best Countries, анализ которого уже дает интересную информацию к исследовательскому размышлению. Вполне вероятно, что с развитием методологии рейтингов «мягкой силы» со временем привлекательность национальной истории будет включена как отдельный параметр. Концептуально-теоретическая база и понятийный аппарат, заложенный самим автором концепции Дж. Наем, вполне позволяет это осуществить.

В этом отношении, можно предположить, что страны, стремящиеся укрепить свою «мягкую силу» на международной арене, будут с большей эффективностью продвигать свою национальную историю и повышать ее привлекательность в глазах мировой аудитории. Для этого в современном мире существует огромное количество инструментов, таких как активное присутствие исторического контента в социальных сетях и средствах массовой информации, а также в популярной литературе, фильмах, музыкальной и иной специализированной продукции. Особое место, вполне логично, будет уделяться продвижению истории в академической и экспертной среде, влияющей на процессы принятия важнейших решений.

Казахстану, в этом контексте, необходимо усилить работу по продвижению национальной истории всеми возможными способами, в первую очередь, посредством публикации качественных материалов как для исследовательских кругов, так и для более широкой аудитории через популярные медиа и интернет-каналы. В этой связи академические труды казахстанских историков должны послужить определенным «трамплином», от которого будут отталкиваться создатели более популяризированного контента.

Статья подготовлена в рамках финансирования КН МНВО РК (ПЦФ BR20281006 «Страны Востока: геополитические вызовы и новые перспективы для Казахстана в историческом и современном измерениях»)

Список литературы:

1. Токаев, К.К. (2021). Независимость превыше всего. Казахстанская правда, 6 января 2021 года. kazpravda.kz/n/polnyu-tekst-stati-tokaeva-nezavisimost-prevyshhe-vsego/
2. Nye, J. (1990). Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books. archive.org/details/boundtolead00jose
3. Nye, J. (1990). The Changing Nature of World Power. Political Science Quarterly, Vol. 105, No. 2. www.jstor.org/stable/2151022
4. Nye, J. (1990). Soft Power. Foreign Policy, No. 80, 153-171. www.jstor.org/stable/1148580
5. Nye, J. (2004). Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs.
6. Nye, J. (2011). The Future of Power. New York: Public Affairs.
7. Nye, J. (2014). The Information Revolution and Soft Power. Current History, 113(759), 19-22. dash.harvard.edu/bitstream/handle/1/11738398/Nye-InformationRevolution.pdf
8. Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2020-2030 годы. www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-konceptcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazahstan-na-2020-2030-gody

9. The Institute for Government & Monocle (2010). The New Persuaders: An International Ranking of Soft Power.
10. Portland (2015). The Soft Power 30: A Global Ranking of Soft Power.
11. Brand Finance (2023). Global Soft Power Index 2023: The world's most comprehensive research study on perceptions of nation brands.
12. Indian Strategic Studies forum (2023). World Soft Power Index 2023: an exploration of the global landscape of soft power.
13. U.S. News Best Countries (2023). Methodology: How the 2023 Best Countries Were Ranked. www.usnews.com/news/best-countries/articles/methodology
14. The New York Times (2004). Best Sellers. www.nytimes.com/2004/04/11/books/best-sellers-april-11-2004.html
15. Указ Президента Республики Казахстан от 24 ноября 2020 года № 456 «О Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий». www.adilet.zan.kz/rus/docs/U2000000456

References:

1. Tokaev, K.K. (2021). Nezavisimost' prevyshe vsego. Kazakhstanskaya pravda, 6 yanvarya 2021 goda. kazpravda.kz/n/polnyy-tekst-stati-tokaeva-nezavisimost-prevyshe-vsego/
2. Nye, J. (1990). Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books. archive.org/details/boundtolead00jose
3. Nye, J. (1990). The Changing Nature of World Power. Political Science Quarterly, Vol. 105, No. 2. www.jstor.org/stable/2151022
4. Nye, J. (1990). Soft Power. Foreign Policy, No. 80, 153-171. www.jstor.org/stable/1148580
5. Nye, J. (2004). Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs.
6. Nye, J. (2011). The Future of Power. New York: Public Affairs.
7. Nye, J. (2014). The Information Revolution and Soft Power. Current History, 113(759), 19-22. dash.harvard.edu/bitstream/handle/1/11738398/Nye-InformationRevolution.pdf
8. Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2020-2030 годы [The Foreign Policy Concept of the Republic of Kazakhstan for 2020-2030]. www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-konceptcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazahstan-na-2020-2030-gody
9. The Institute for Government & Monocle (2010). The New Persuaders: An International Ranking of Soft Power.
10. Portland (2015). The Soft Power 30: A Global Ranking of Soft Power.
11. Brand Finance (2023). Global Soft Power Index 2023: The world's most comprehensive research study on perceptions of nation brands.
12. Indian Strategic Studies forum (2023). World Soft Power Index 2023: an exploration of the global landscape of soft power.
13. U.S. News Best Countries (2023). Methodology: How the 2023 Best Countries Were Ranked. www.usnews.com/news/best-countries/articles/methodology
14. The New York Times (2004). Best Sellers. www.nytimes.com/2004/04/11/books/best-sellers-april-11-2004.html
15. Указ Президента Республики Казахстан от 24 ноября 2020 года № 456 «О Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий» [Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated November 24, 2020 No. 456 "On the State Commission for the complete rehabilitation of victims of political repression"]. www.adilet.zan.kz/rus/docs/U2000000456

Материал поступил в редакцию 11.03.2024. Принят к публикации 16.09.2024